

А. А. Галкин

РОССИЙСКИЙ ФАШИЗМ?

Галкин Александр Абрамович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

I

Открытое появление на политической арене России (тогда Советского Союза) праворадикалистских организаций относится ко второй половине 80-х годов. Не все они были фашистскими в полном смысле этого слова. А те, что были близки к фашизму, не очень афишировали свои истинные взгляды. С учетом политической ситуации в стране, ориентации общественного сознания, духовной атмосферы это было, по меньшей мере, невыгодно.

То обстоятельство, что джинн оказался выпущенным из бутылки, свидетельствовало, наряду со всем прочим, о том, что он до этого в ней находился. И действительно, еще в 70-е годы под покровом идеологического благополучия в стране происходили процессы идейного разложения, одним из проявлений которого стало формирование праворадикальных групп с фашизоидным и фашистским содержанием.

По происхождению эти группы можно подразделить на три типа. Первый — спонтанно возникшие молодежные тусовки, где бравирование фашистскими идеями первоначально имело игровой характер, являясь формой эпатажа власть предержащих, выражением неудовлетворенности существующими порядками, официальной идеологией. Представление о фашизме у участников таких тусовок было крайне поверхностным, заимствованным по преимуществу из телесериала «Семнадцать мгновений весны» с его романтизацией верхов «Третьего рейха». В дальнейшем их активность спала. Однако ядовитые семена, попав на плодотворную почву, дали всходы. Некоторые из участников тусовок вошли в актив фашистских организаций, возникших впоследствии.

Второй тип сложился в рамках неформального движения протеста, возникшего и набравшего силу в 80-е годы. Первоначально он образовал нечто вроде специфического течения. Его отличительной чертой, как и других течений в неформальном движении, было решительное неприятие существовавшего режима, господства КПСС и коммунистической идеологии в целом. Вместе с тем в нем доминировали негативизм крайне шовинистического толка, реваншистская политическая ориентация. Не все участники этого течения встали на фашистский путь. Вскоре в нем вычленились монархическое и умеренно традиционалистское объединения. Они дистанцировались от профашистски ориентированных группировок, которые, в свою очередь, эволюционировали в сторону «канонического» фашизма.

Наконец, третий тип образовали выходцы из националистического крыла КПСС и кругов, близких к руководству

ВЛКСМ. Царившие там фашизоидные симпатии были известны общественности с начала 70-х годов. Отдельные представители этих кругов время от времени провоцировали скандалы, которые, однако, заботливо глушились — без каких бы то ни было последствий для участников. Благодаря связям, а также находившимся в их распоряжении материальным средствам, комсомольско-партийные националисты сравнительно быстро приобрели доминирующие позиции во всем праворадикальном движении. Существует точка зрения, согласно которой некоторые организации, принадлежащие к этому лагерю, имели связи с официальными силовыми структурами или даже поддерживались ими.

Дальнейшая эволюция праворадикалистских организаций и движений фашизоидного и фашистского типа отличалась рядом специфических черт. К их числу можно отнести настойчивые попытки сконструировать нечто вроде свода взглядов, который как бы маркировал идентичность организаций подобного рода, их отличие не только от демократических антикоммунистических течений, но и от правых радикалов традиционалистского толка. Сделать это было не так просто, ибо у профашистских организаций не было ни сколько-нибудь серьезных «домашних заготовок», ни необходимого интеллектуального потенциала. Отсюда обращение к наиболее доступной (а, следовательно, известной им) немецкой фашистской литературе: «Моей борьбе» Гитлера, «Мифам XX века» Розенберга и антисемитским изданиям, распространявшимся в русском переводе на оккупированных территориях.

Вскоре, однако, стало очевидно, что слишком тесная привязка к немецкому образцу с политической точки зрения крайне невыгодна. Негативное отношение к гитлеризму, ставшее составной частью советского (а, следовательно, и российского) менталитета, переносилось на вновь сформировавшиеся фашистские организации. Отсюда энергичный поиск собственных, почвенных традиций, корней в политической истории своей страны.

В этой связи в поле зрения оказались два политических и идеологических течения. Первое — фашистские организации, возникшие в 30-е годы в эмигрантской среде в оккупированной Японией Маньчжурии, с одной стороны, и в США, а также кое-где в Западной Европе, с другой. Однако слишком тесная — как материальная, так и идеологическая — связь этих организаций с официальными японскими и германскими кругами, их жалкий конец делали малоэффективным чрезмерный упор на преемственность по отношению к ним. Это же относилось и к преемственности по отношению к власовскому движению. Признание духовных связей с лицами, вставшими на службу захватчикам, воевавшими против родной страны (вне зависимости от того, чем они руководствовались), вряд ли могло служить рекомендацией для претендентов на политическое влияние.

Второе течение, о котором могла идти речь, — черносотенное движение, возникшее в начале века и сыгравшее заметную роль в политической истории России. Оно и было, на определенном этапе, поднято на щит влиятельной частью праворадикалистских организаций, в том числе и фашистских.

Трудности, с которыми они столкнулись в этой связи, в значительной степени определялись тем, что черносотенное

движение не было, собственно говоря, ни фашистским, ни профашистским. Оно имело традиционалистский характер. Его основу составляли деревенские и городские низы, руководимые консервативными представителями «образованного общества» (помещиками, чиновниками, интегрированными в систему интеллектуалами). А острие его было направлено против потрясения основ существующего строя — против городских бунтовщиков, безбожников-интеллигентов и «инородцев» (в первую очередь евреев). Разумеется, в этом движении наличествовали и частные социально-реформистские мотивы. Например, крестьяне-черносотенцы рассчитывали, что, поддержав царя и его власть, они сумеют добиться решения наиболее острого для них — земельного вопроса. Однако это не меняло характеристики движения в целом.

Что же могли почерпнуть из идеологического черносотенного наследия современные фашисты? Апологетику монархического строя, системы самовластия, иерархического построения общества? Но к такой апологетике прибегали и другие современные политические организации и течения, в том числе не примыкавшие к праворадикальному флангу политической системы. Оставалась внутренняя ненависть к умничающим интеллигентам и евреям. И действительно, эта сторона черносотенного идейного наследия и была в наибольшей степени заимствована фашистами.

Еще одной чертой, отличавшей эволюцию праворадикалистских, и прежде всего фашистских организаций, была их быстрая дифференциация. Происходило не только все более очевидное разделение правых радикалов на фашистов и традиционалистов. Начали дробиться сами фашистские и фашизоидные партии, движения, группы. Это дробление определялось не только борьбой амбиций. В организациях, которые могут быть охарактеризованы как фашистские, подобно иным движениям, вновь появившимся на политической арене, количество потенциальных лидеров нередко превышает массу последователей. Непрерывные деления с неизбежными склоками помогают сократить дефицит руководящих постов. Но главная причина состояла не в этом. Разнонаправленные поиски адекватной идеологии имели результатом образование в рамках фашистского движения двух главных направлений: западного и почвенного. Одни — западники — подчеркивают свою принадлежность международному фашизму, принимая его постулаты и внешнюю атрибутику, участвуя в различных зарубежных встречах, в деятельности интернациональных объединений неофашистов. Другие, ориентируясь на домашние условия, избегают называть себя фашистами, делают упор на самобытное развитие России. При этом главное содержание фашистской программы сохраняется: жесткая авторитарная власть, наведение порядка с помощью крайних форм насилия, ликвидация представительной власти, утверждение принципов вождизма, возведение национализма на уровень расизма и этнических чисток, переход к абсолютной автаркии по отношению к внешнему миру и т. д.

II

Тем не менее, до последнего времени фашистские и фашизоидные

организации занимали маргинальное положение в партийно-политической структуре России. Это дает основание поставить ряд связанных друг с другом вопросов.

Существует ли вообще фашистская угроза в России? Является ли такая угроза столь серьезной, что требует пристального общественного внимания? В чем она проявляется, какие формы может приобрести, где искать ее корни и центры влияния?

В поисках ответа на эти вопросы обратимся к оценке фашизма как общественного феномена. Предварительно выведем за скобки использование понятия «фашизм» в качестве политического ярлыка, средства диффамации. Практика фашистов в прошлом и настоящем заслуженно создала им зловещую репутацию. Поэтому, навесив на оппонента фашистскую атрибутику, легче всего отправить его в нокаут. Подобный маневр особенно эффективен в России, где понятие «фашизм» прочно связано в сознании людей с гитлеровским нашествием, людскими жертвами, разрушениями, попранием человеческого достоинства. Однако такой подход необходимо исключить потому, что он не имеет ничего общего с сутью дела.

Для понимания фашизма важно подходить к нему как исторически обусловленному явлению. Существует и иное направление: в качестве фашизма рассматриваются и тирания в Спарте, и императорский режим в Древнем Риме, и восточные деспотии. В результате подтверждается лишь банальная истина, что самовластие, жестокость и попрание прав личности — неотъемлемый элемент человеческой истории. Не более...

Подход к фашизму как к исторически обусловленному явлению — важный методологический принцип. Он предполагает увязку исследуемого объекта с особенностями общественной ситуации, сложившейся в начале XX в. и сохранившейся в различных вариациях вплоть до конца столетия. Иными словами, фашизм рассматривается как детище кризисных процессов, происходивших в это время в экономической и политической жизни народов, которые принадлежат, по преимуществу, к европейской цивилизации, слома привычных социальных условий их существования и образа жизни, смены культурных и ценностных установок. Фашизм в такой трактовке — одна из форм болезненной, искаженной реакции общества на кризис.

Это находит прямое отражение и в фашистской идеологии. В отличие от многих иных движений фашизм практически не внес в отстаиваемую им систему взглядов ничего существенно нового. Все, что поныне известно как идеологический багаж фашизма, — чистое заимствование, ученическое воспроизведение элементов идеологических систем, существовавших к моменту возникновения фашизма. Вместе с тем он не сумел, а, скорее всего, и не пытался создать стройную, логически непротиворечивую совокупность взглядов. Отдельные положения, принятые на вооружение фашистами, не только плохо стыкуются. Они откровенно противоречат одно другому.

Противники фашизма нередко принимали эту особенность за слабость. Подвергая фашистские взгляды рациональной критике, они рассчитывали нанести им тем самым сокрушительное поражение. При этом не учитывалось, что в логической несостыкованности

фашистской программы заключается и ее сила. Связи между отдельными идеологемами, которые отстаивают фашисты, лежат не в рациональной, а в иррациональной сфере. И это обеспечивает им высокую степень адаптивности к меняющимся условиям существования. Из сложившейся совокупности взглядов можно без опаски вытащить любой блок, заменить его другим или оставить зияющую пустоту: здание от этого не рухнет.

Еще одно преимущество столь слабо структурированной идеологии — ее многоадресность. Каждый может выбрать в предлагаемом ему разноцветье то, что ему больше всего подходит: традиционалист — приверженность к исконным ценностям, к привычным общественным структурам, доблестям рыцарской романтики, идеям иерархии и порядка; модернист — концепцию преобразования общества в духе современности, теорию «консервативной революции»; коллективист — лозунг «общее выше частного», склонность к этатизму, солидаризму или социалистическому взаимодействию; индивидуалист — апологетику мелкого и среднего производства, провозглашение среднего сословия (или класса) материальным и духовным стержнем общества, призывы к его защите от засилья крупного, прежде всего — финансового капитала, ориентацию на сильную личность как демиурга истории; националист — подход к национальному фактору как определяющему началу общественного развития, призывы к утверждению национальной идентичности, патриотические лозунги; интернационалист — ставку на сплочение национально ориентированных сил в международном масштабе, поддержку идеи европейского единства и т. д., при этом фашизму присущ свой способ отбора идей. В его багаж попадают лишь те взгляды, постулаты, концепции, которые легко поддаются радикально-агрессивной интерпретации.

Опираясь на одну идеологему (или группу идеологем), невозможно определить генетическую принадлежность фашистской программы. Делают, например, упор на приверженность частной собственности, поддержку мелкого и среднего бизнеса, на роль индивида как носителя экономической и социальной активности. Исходя из этого, постулируют вывод: фашизм родственен манчестерскому либерализму. Переносят центр тяжести на приверженность коллективизму, на этатистские склонности, практику социальной защиты. Получают тезис о близких родственных связях между фашизмом и социализмом. Обращают внимание на высокий удельный вес консервативных ценностей. Результат — концепция генетической связи между фашизмом и консерватизмом.

На протяжении ряда лет автор отстаивал точку зрения, согласно которой фашизм — это крайне радикальная форма консервативного традиционализма. Подобная позиция во многом определялась тем, что он изучал фашистский феномен на германском материале. В Германии же в 20—30-х годах существовал своеобразный симбиоз консервативного традиционалистского активизма (младоконсерваторы) и нацизма. Это и предопределило чрезмерный упор на данную сторону дела. Однако уже в то время в других странах связь между консерватизмом и фашизмом просматривалась далеко не так четко. Время внесло в отношения между ними новые

существенные моменты. Не те сейчас консерваторы, не те и фашисты. Поэтому однозначно делать упор на генетическую связь между консерватизмом и фашизмом теперь, видимо, неверно.

III

Фашизм обладает не только общими, родовыми, но и специфическими, региональными характеристиками. Модификации этого феномена в различных странах настолько велики, что в науке о фашизме сложилось влиятельное направление, отвергающее правомерность рассмотрения фашизма как цельного феномена; исследователь вправе лишь констатировать, что в тех или иных странах в определенный отрезок времени возникли политические движения и режимы тоталитарного типа, существенно отличающиеся друг от друга. Говоря о фашизме, сторонники этого направления имеют в виду исключительно его итальянскую версию. Германский вариант они характеризуют как национал-социализм, испанский — как фалангизм. Применительно к другим странам фашизм фигурирует как интегризм, солидаризм и т. п.

Не вступая в дискуссию по основному вопросу — оправданно ли игнорировать родовые признаки феномена (это увело бы нас далеко в сторону от основной темы), отметим саму по себе исключительную важность концентрации внимания на специфике национальных вариантов. Ведь уяснив эту специфику, мы можем не только выявить особенности взаимодействия между формой реализации общих закономерностей и национальной почвой (что само по себе немало), но и определить конкретный облик того явления, с которым имеем дело, понять его сильные и слабые стороны, уточнить тактику противостояния ему.

В Германии фашистское движение, а затем и фашистский режим складывались и развивались под влиянием как традиционных, так и конъюнктурных обстоятельств. Наиболее существенными среди них были: а) сильное воздействие на массы идеологии консерватизма с преобладанием элементов воинственного национализма; б) доминирование так называемого прусского типа сознания, с характерной для него завышенной оценкой принципа иерархии, роли дисциплинированности, исполнительности, чиновничества; в) укорененность в рабочем классе профессиональных союзов социалистической ориентации, наличие влиятельных социал-демократической и коммунистической партий; г) острота социальных бедствий и чувства ущемленного национального достоинства в результате поражения в войне, Версальского мирного договора и острого экономического кризиса 1929—1933 годов. Отсюда особенно бесчеловечные формы политической практики, гипертрофированная воинственность, придание национализму расистского характера, заигрывание с социалистическими установками и т. д.

В Италии к моменту формирования массового фашистского движения действовали многие из факторов, определявших положение в Германии. Не было, однако, ни традиционной склонности к дисциплине и порядку, готовности населения беспрекословно исполнять указания, идущие сверху, ни массового дремучего национализма в его крайней форме — нетерпимости на

расовой почве. Аграрный характер тогдашней Италии (главным образом ее центральной и южной части) предопределял меньший удельный вес рабочего движения, особенно его социалистической фракции и, наоборот, значительное влияние полузависимого и люмпенизированного крестьянства. В совокупности это предопределило менее жесткие формы государственных репрессий, не столь очевидный расизм, упор не столько на социалистическую, сколько на социальную природу проводимой политики, особое внимание к сельским районам.

В Испании фалангистская партия — хотя она и была представлена в правительстве, занимала доминирующие позиции в сфере трудовых отношений, в системе идеологического контроля — так и не стала определяющей политической силой. Ей пришлось делить влияние с мощным традиционалистским истеблишментом и верхушкой католической церкви. После второй мировой войны испанскому тоталитарному режиму приходилось — чем дальше, тем больше — считаться со своим положением своеобразного острова в окружении стран с парламентским строем. Отмеченное специфическое положение, усугублявшееся растущей экономической зависимостью от соседей, во многом предопределило и менее жесткие формы внутренней политики франкистского режима, и прогрессирующее ослабление позиции фалангистского движения, и сравнительно безболезненный переход к демократическому, парламентскому правлению после смерти Франко. Можно было бы привести и другие примеры. Однако сказанного достаточно, чтобы представить себе, насколько сильно модифицируется фашистский феномен в зависимости от национальной почвы.

IV

Важно обратить внимание на еще одну существенную особенность, долгое время ускользавшую от исследователей.

Фашизм возник как массовое движение. Поэтому при его исследовании с самого начала были предприняты попытки определить социальные связи, социальную базу фашизма. Этим занимались, исходя из разных методологических посылок, философы и историки, концептуалисты и прагматики, марксисты и немарксисты. И все они столкнулись с аналогичными трудностями.

Социальные связи фашистов прослеживались не очень четко, а иногда и вовсе ускользали. В Италии, где фашизм появился впервые, его главные опорные пункты располагались в деревне. Исходя из этого, итальянские исследователи-марксисты первоначально характеризовали его как выражение социального недовольства, движение протеста разоряющейся сельской буржуазии.

Затем итальянский фашизм укоренился в городах. В Германии первые фашистские организации рекрутировались главным образом из представителей разорившегося городского среднего сословия. В результате в оценку фашизма как социального явления пришлось внести коррективы. В кругах, связанных с рабочим движением, нашла поддержку точка зрения, согласно которой фашизм характеризовался как движение, отражающее интересы разоряющейся мелкой буржуазии — прежде всего ремесленников, работников сферы услуг и розничных торговцев. Эта точка зрения

возобладала и среди исследователей, не стоявших на марксистских позициях.

По мере превращения фашизма во влиятельную политическую силу его стали поддерживать представители крупного капитала. Особенно четко это проявлялось в Германии. Однако аналогичные связи можно было проследить в Италии, Франции, а затем и в Испании. В результате в левых кругах Европы, где угроза фашизма ощущалась особенно остро, начало брать верх мнение, что фашизм — инструмент, которым пользуется верхушка буржуазии для навязывания обществу крайних форм своего господства. В конечном счете это мнение отлилось в формулу, закрепленную в документах Коминтерна и оценивавшую фашизм как террористическую диктатуру наиболее агрессивных отрядов монополистической буржуазии. На протяжении нескольких десятилетий эта оценка разделялась советскими исследователями фашизма.

Вместе с тем после второй мировой войны в политических кругах западных стран наметилось стремление решительно отмежеваться от фашизма — в немалой мере вопреки известным фактам, свидетельствующим о симпатиях к фашистским движениям и фашистской идеологии. Отражением этого стремления стала концепция, изображавшая фашизм как плебейско-бунтарское движение, направленное против просвещенного общества, как революционно-разрушительный порыв малообразованных, дезориентированных масс.

Сложность, однако, состояла в том, что ни одна из перечисленных выше по преимуществу спекулятивных, политически ангажированных теорий не находила подтверждения. К 30-м годам европейский фашизм стал в основном городским явлением. Это, однако, не исключало его влияния в преимущественно сельских районах. Среди сторонников фашистов было немало торговцев, ремесленников, владельцев мелких предприятий. Но фашисты стремились — и далеко не всегда безуспешно — распространить свое влияние на рабочую массу, особенно ту ее часть, которая не была охвачена организованным рабочим движением. Ими были созданы свои профессиональные союзы, сыгравшие, в частности, немалую роль в захвате власти, а затем — в стабилизации фашистских режимов.

В фашистских рядах было немало бывших офицеров, в том числе из самых знатных фамилий. Иметь своих представителей в фашистских структурах считалось хорошим тоном в респектабельных буржуазных семьях.

Весьма интенсивные связи сложились у фашистов с интеллигенцией. Вопреки широко распространенным представлениям значительная часть интеллигенции с самого начала принимала активное участие в фашистском движении, энергично поддерживала его стремление к власти и составляла опору утвердившихся фашистских режимов. И это касалось не только основной массы интеллигенции, но и ее интеллектуальной верхушки.

Приведем несколько примеров. Первой организацией, в которой германские фашисты добились путем свободных выборов практически абсолютной власти, было движение немецких студентов. Это произошло летом 1931 г. — за полтора года до прихода Гитлера к власти. Вслед за тем фашисты захватили ведущие

позиции в профессиональных организациях профессоров высшей школы, учителей, юристов и т. д. В ноябре 1933 г. большая группа ученых с мировым именем, в том числе многие лауреаты Нобелевской премии, обратились к мировой общественности с призывом оказать поддержку фюреру германской нации А. Гитлеру в его попытках оздоровить международные отношения.

Практически в фашистском движении в той или иной форме, на том или ином этапе принимали участие все социальные группы населения тех стран, в которых фашизм превратился в политически влиятельную силу или оказался у рычагов власти.

Если сопоставить социальную структуру нацистской партии и германского общества в целом в 1930 г., то получится следующая картина:

Социальный состав населения Германии и НСДАП в 1930 году, % *

Классы и социальные группы	Удельный вес в населении страны	Удельный вес в НСДАП	Отношение удельного веса данной группы в НСДАП к ее удельному весу в населении страны
Рабочие	45,9	28,1	61,2
Служащие	12,0	25,6	213,3
Самодельное население	9,0	20,7	230,0
Чиновники	5,0	8,3	162,7
в том числе: рядовые чиновники	4,2	6,6	157,1
Учителя	0,9	1,7	188,9
Крестьяне	10,6	14,0	132,0
Другие слои	17,4	3,3	18,9

* Hofer W. Der Nationalsozialismus: Dokumente, 1933—1945. Frankfurt a. M.: 1957. S.23.

Из таблицы видно, что рабочие были недостаточно представлены в структуре НСДАП. Служащие, чиновники, самостоятельные хозяева представлены в ней с «превышением». Однако в целом социальная структура фашистской партии отражала социальную структуру общества.

Возникает вопрос: обоснованы ли попытки установить прямые связи между фашизмом и четко очерченными социальными группами, а, следовательно, определять фашизм как выразителя их интересов? Не правильнее ли – учитывая данную выше характеристику фашизма как производного от острой кризисной ситуации, в которой оказалось общество, – рассматривать социальные связи данного феномена в преимущественно конъюнктурном разрезе? При таком подходе наиболее открытыми для фашистского влияния и особенно активно поддерживающими фашизм, пытающимися использовать его в своих интересах представляются социальные группы, либо больше всего пострадавшие от кризиса, либо серьезно опасющиеся его возможных последствий. Это, конечно, прежде всего те группы населения, которые оказались выбитыми из традиционных структур,

которые потеряли прежний статус, лишились привычного образа жизни. В их число входит и люмпенизированная часть населения, если понимать под люмпенами людей, потерявших все социальные связи, оказавшихся в моральном и материальном отношении на дне общества. Вместе с тем сводить дело к люмпенам неправомерно. Масса социально неудовлетворенного, пострадавшего от кризиса населения гораздо больше, чем масса люмпенов. И она тем значительней, чем острее проявления кризиса, чем менее реальны перспективы его преодоления. Кроме того, к этой массе при определенных обстоятельствах присоединяется (или, по меньшей мере, примыкает) часть истеблишмента, непосредственно не пострадавшая от кризиса, однако опасаящаяся того, что его дальнейшее углубление приведет к краху социальных и политических структур.

Эта гипотеза объясняет корреляцию между структурой общества и структурой фашистских организаций. Более или менее полное представительство социальных групп в фашистском движении свидетельствует о том, что кризис распространился на все основные элементы общественного организма. При этом чем острее поразивший ту или иную группу кризис, тем сильнее она представлена в фашистском движении.

Такой подход позволяет объяснить и отмеченную выше разнонаправленность фашистских взглядов. Если фашизм претендует на представительство всех (или хотя бы основной части) социальных групп, отражая их кризисное состояние, то в его идеологии должны найти место самые разнообразные взгляды, отвечающие сумме групповых предпочтений, представлениям разных людей о том, что соответствует их интересам и что надо было бы сделать, чтобы добиться нормализации обстановки. Быть может, здесь и следует искать ключ к пониманию особенностей нынешнего и перспективного состояния того, что именуют сейчас российским фашизмом, а также действительной фашистской опасности. При этом первое далеко не всегда совпадает со вторым.

Распространенная ошибка при оценке текущей ситуации, и тем более при прогнозе, порождается предположением о возможности буквального воспроизведения событий и феноменов исторического прошлого. Такого воспроизведения не происходит, даже если некоторые черты событийного ряда прямо-таки навязывают аналогии. Более существенны новые формы общественной опасности».

В послевоенные годы Западная Европа переживала возрождение праворадикалистского движения в двух основных формах. Выделился первый — традиционалистский тип, цеплявшийся за преемственность с прежними фашистскими движениями, за их авторитеты, внешнюю атрибутику. И второй — обновленческий, отвергавший связь с прошлым (или, по крайней мере, не делавший на нем акцента), уделявший основное внимание новым проблемам, с которыми столкнулось общество. Прошло немного времени, и стало очевидным, какое из течений обеспечило себе будущее. Традиционалисты оказались загнанными в политическое гетто. Обновленцы превратились — по крайней мере, в ряде стран — в заметную политическую силу.

Видимо, и в современных российских условиях наиболее

пристальное внимание должно быть обращено не на ту часть правых радикалов, которые играют в «черных и коричневых солдатиков», а на тех, кто, не воспроизводя старые формы, но, двигаясь в рамках фашистско-тоталитарной традиции, ухитряется поставить себе на службу массовое недовольство людей.

Мелкие фашистские организации существовали и существуют во многих странах мира. Если у них нет благоприятной экономической и социальной почвы, они десятилетиями ведут, по сути дела, фантомное существование: что-то заявляют, что-то печатают, от кого-то откальваются, с кем-то объединяются. Иногда они устраивают скандалы, после чего временно попадают на страницы прессы.

Но стоит измениться обстановке, назреть кризису, расшататься общественным устоям, ослабнуть институтам власти, как у них появляются шансы. Причем главный выигрыш выпадает вовсе не на долю тех, кто слыл до этого наиболее рьяным защитником идеи, не поступался принципами и соответственно считался фаворитом. В Германии в 20-х годах существовали многие десятки праворадикалистских, протофашистских организаций. Во главе их стояли если не политики первого плана, то, во всяком случае, люди с весом. На них обращали внимание, о них говорили и писали. Гитлер и его партия были одними из самых незаметных. Случилось, однако, так, что в кризисной ситуации, благодаря сочетанию обстоятельств, историческая волна вынесла их к вершинам власти.

Муссолини, правда, был заметной фигурой еще до того, как создал первые фашистские отряды и повел их на Рим. Но современники знали его в другом качестве — как видного социалиста, известного пацифиста, редактора влиятельной социалистической газеты. Если бы за несколько лет до произошедших событий кто-нибудь сказал депутатам, что Муссолини установит в стране свою диктатуру, его бы подняли на смех.

Кто мог предположить в Испании, где количество генералов немногим уступало числу сержантов, что никому не известный заштатный службист Франко, на счету которого не было ни сколько-нибудь заметных побед, ни каких-либо других достоинств, даже протекции в высших сферах, волей случая станет не просто главой государства, но и «вождем испанского народа» и будет осуществлять практически неограниченную власть на протяжении почти четырех десятилетий.

Очевидно, что главное содержание фашистской угрозы — в возникновении ситуации, объективно благоприятствующей приходу фашистов к власти и установлению диктаторского режима. А кто в этих условиях воспользуется возникшими возможностями, как будет именовать себя сила, которая приведет своего вождя к трону, знать пока не дано. Основное — пьеса. А актер на главную роль найдется.

Сюжет же этой пьесы развивается тревожно. В российском обществе наблюдаются признаки, которые в других странах подвели к порогу фашистского переворота и, при определенных обстоятельствах, обеспечивали его успех: слом сложившихся социальных структур; распад прежней системы ценностей, ценностная дезориентация, широкое распространение квазиценностей, упадок морали; углубляющийся экономический и

социальный кризис, осознание населением реального ухудшения условий своего существования, ослабление государственной власти, дискредитация парламента и других представительных институтов, отчуждение населения от административных органов, резкое падение исполнительской дисциплины; чувство ущемленного национального достоинства, ставшее фактором массового сознания; массовое неконвенциональное поведение граждан, рост пьянства, наркомании, преступности.

Все перечисленные признаки характерны для российской действительности. Они уже неоднократно измерялись и интерпретировались. Не поддавался до сих пор определению лишь тот рубеж, за которым может начаться распад общественных структур.

Опасность следует видеть. Распознанная опасность — это опасность, наполовину обезвреженная. Изложенное выше предопределяет, как представляется, и основные направления изучения, фашистской угрозы в России. Это:

— Выявление глубины кризисных процессов в различных сферах общественной жизни, их влияния на сознание основной массы населения.

— Определение сдвигов в структуре массового сознания, удельного веса в них элементов, которые могут быть опорой праворадикалистских установок и соответствующего им политического поведения.

— Вычленение политических организаций и движений, которые могут стать той силой, в рамках которой возможна реализация массовых настроений такого рода.

— Инвентаризация всех социальных, политических, идеологических и юридических форм противодействия подобному развитию.